Д.Г. Черных

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В XIX ВЕКЕ

В статье кратко рассматривается эволюция идеологической парадигмы в отечественной системе образования первой половины XIX в. Анализируются предпосылки возникновения художественно-промышленного учебного заведения в москве и влияние традиций рода строгановых на его появление и развитие. Особое внимание уделяется роли личности с.Г. Строганова как основоположника художественно-промышленного образования в россии. Выявляется ряд негативных факторов, сдерживающих развитие художественно-промышленного образования в россии. Делается вывод о появлении целой серии художественно-промышленных школ в россии как ответ на требования времени.

The article briefly describes the causes of art workshops′ appearance in merchant-industrialists Stroganov′s patrimony; also this article describes the activity of the workshops and its role in the native art. The author analyzes the background of educational institution of the art industry in Moscow and the influence of Stroganov family′s traditions on its appearance and development. The author pays particular attention to the Butovsky′s part in the formation of national specificity school which distinguishes it from similar institutions of the world. The author of this article comes to the conclusion about the necessity of teaching materials formation on the basis of art and industrial schools in the country (based on the Russian national culture) for priority development of stylistic direction corresponding to the status of a sovereign-State.

Ключевые слова: Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, художественно-промышленное образование, граф С.Г. Строганов XIX век.

Keywords: Stroganov school, Russian ornament, art and industrial skill, graphic design.

Ситуация в сфере образования в Российской империи в первой половине XIX в.

В 1802 г. в Российской империи было создано Министерство Народного Просвещения. Страна разделена на шесть учебных округов, учреждены университеты: в Казани, Харькове, Петербурге, Або, Варшаве, преобразованы в Москве, Вильне и Дерпте, основаны Медико-Хирургическая Академия, Институт Корпуса Путей Сообщения, Горный и Лесной Институты, Царскосельский Лицей. Екатерининские главные народные училища (42 заведения) были переименованы в гимназии. Малые народные училища (всего около 400), переименованы в «уездные». Для начального образования учреждены приходские училища, которые должны были заводиться, «во всяком церковном приходе или двух приходах вместе», выделены средства для создания духовных училищ [1, с. 3-7].

На общегосударственном уровне целью социально-политического развития России с конца XVII века становится достижение общественного, экономического, культурного уровня и политического статуса народов и государств Европы. Московское царство превратилось в Российскую империю — абсолютистскую монархию европейского образца. Выбранный Петром I путь европеизации повлек за собою смену ориентиров, ценностей, художественных традиций. Выход за рамки связанной с православием культуры византийского типа осуществлялся насильственным насаждением европейской культуры, генетически связанной с иными вариантами христианства. Вся предшествовавшая реформам отечественная культура была объявлена как бы несуществующей. Ориентиром новой государственной политики

стали просвещение европейского типа, науки европейского типа, быт европейского типа, искусство европейского типа и предметно-пространственная среда обитания [2, с. 17-21].

Петровские реформы, давшие импульс развитию светского образования в России, к началу XIX в. пришли к самоисчерпанию. Страх перед Великой французской революцией, идеи которой стали ассоциироваться с системой ценностей эпохи просвещения, вынудил правящий класс Российской империи занять охранительные позиции и начать корректировать идеологический курс, отходя от тотальной европеизации. Сфера высшего образования стала местом приложения этих реформаторских усилий и ареной противоборства двух общественных групп консерваторов за влияние, получивших в научной литературе условное наименование партий: «мистиков» и «православных». Общим было стремление придать религиозный характер системе высшего образования, в чем они усматривали противоядие от влияния революционных идей.

В интеллектуальной жизни русского общества начала XIX в. Жозеф де Местр (1753–1821) играл важную роль. Ревностный католик, убежденный контрреволюционер и консерватор, он приехал в Петербург в качестве посланника сардинского короля и провел в России 14 лет (с 1803 по 1817 г.). Он оказал влияние на политику Министерства народного просвещения, резко критикуя российскую систему образования и воспитания, проникнутую, с его точки зрения, духом галломании и примитивного подражательства западноевропейским образцам. Жозеф де Местр был гостем салонов братьев Н.А. и П.А.Толстых, В.П.Кочубея, графа А.К.Разумовского, графов Строгановых, С.С.Уварова, адмирала П.В.Чичагова [3, с. 107–108].

10 августа 1816 г. министром народного просвещения стал приближенный к императору князь А.Н.Голицын, и уже 24 октября 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения. Реформа была обусловлена стремлением соединить светское европейское образование с традициями западноевропейского мистицизма и масонства и одновременно православного просвещения. Вновь образованное Министер-

ство состояло из двух департаментов: духовных дел и народного просвещения. Во главе первого находился А.И.Тургенев, второго — один из главных представителей мистицизма того времени В.М.Попов, секретарь Библейского общества [3, с. 219].

А.Н.Голицын в 1812 г. увлек Александра I чтением Нового Завета и Библии, повлияв на формирование религиозных взглядов императора, проделавшего совместно с ним, сложную духовную эволюцию от деизма к «универсальному христианству». Став министром, А.Н.Голицын взял курс на клерикализацию образования. Исследователь истории отечественного консерватизма А.Ю.Минаков характеризует его взгляды как «религиозный сумбур». Он приводит свидетельство подчиненного князя, члена Главного правления училищ, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П.Рунича: «Окруженный православными монахами, священниками и епископами и английскими, лютеранскими или протестантскими методистами, проникнутый духом библейских и иных иностранных христианских обществ, министр духовных дел и народного просвещения простодушно считал возможным помирить все эти несогласия и подчинить вместе с тем философию религии» [3, с. 225-226].

Общественно-политические процессы на протяжении всего XIX в. порождали изменения в системе национального образования. Главную роль сыграли два ключевых события отечественной истории: Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов 1825 г. Несмотря на поддержку императора партии «мистиков», в итоге, победила линия «православных» консерваторов, делающих упор не на «христианский универсализм», космополитизм и мистицизм, а на православие и русскую национальную культуру. Неофициальным центром православного консерватизма стала Москва.

27 мая 1824 князь А.Н.Голицын был отстранен от должности, а объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения расформировано. Новым министром народного просвещения стал консерватор-патриот адмирал Александр Семёнович Шишков. А.С.Шишков задал народному просвещению вектор, который получил дальнейшее развитие при Уварове: «Народное образование должно

быть национальным». «Науки, изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы». А.С.Шишков внедрил Общий устав средних и низших учебных заведений 1828 г., Временный устав учебных заведений Виленского округа, Устав о цензуре [3, с. 265-266].

Идея самодержавной власти по европейскому образцу, трансформировавшейся в просвещенный абсолютизм при Екатерине II, предполагает отождествление величия и мощи государства с личностью правителя. Заданная Петром I, она продолжала культивироваться его преемниками на троне до второй четверти XIX в. По утверждению Е.И.Кириченко, начиная с правления Николая I идея государственной гражданственности как этика служения государству, постепенно эволюционирует в идею служения народу. Взойдя на трон в 1825 г. и подавив восстание декабристов, Николай I не мог в полной мере рассчитывать на лояльность дворянского сословия как единственную опору трона и сделал ставку «на народ» (на социальные низы), где роль силы, скрепляющей союз народа и государства, отводилось православию.

20 марта 1833 г. Сергей Семёнович Уваров вступил в управление Министерством народного просвещения. В циркулярном предложении нового министра, представлявшем собою одновременно декларацию и должностную инструкцию, адресованную попечителям учебных округов, говорилось: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с высочайшим намерением августейшего монарха, совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности. Я уверен, что каждый из гг. профессоров и наставников, проникнут будучи одним и тем же чувством преданности трону и Отечеству, употребит все силы, дабы соделаться достойным орудием правительства и заслужить полную доверенность оного...» [4, с. XLIX–L].

Очевидно, взяв за основу воинский призыв, популярный в русском воинстве в результате Отечественной войны 1812 г. «За веру, царя и отечество!», (а такие слова, в частности, были начертаны на

латунных крестах-кокардах головных уборов ополчения), С.С.Уваров придал своему лозунгу более обобщенную форму: «Православие, самодержавие, народность». Эта триада идеологически противостояла другой известной триаде, провозглашенной в 1789 г. во время Великой Французской революции: «Свобода, равенство, братство». Отечественному варианту триады предназначалось вытеснить из общественного сознания воспитанников учебных заведений Российской империи западный призыв. К компетенции министерства Народного Просвещения С.С.Уваров отнес «направление, данное отечественной литературе, периодические сочинения, театральные произведения, влияние иностранных книг, покровительство, оказываемое художествам»[5, с. 306].

Внедренная благодаря совместным усилиям министра народного просвещения и профессоров-преподавателей в практический обиход триада пользовалась популярностью у современников и прочно закрепилась в общественном сознании не только них, но и у нескольких последующих поколений, став неотъемлемой частью отечественной педагогики на многие годы [6, с. 108–111].

Художественно-промышленное образование в России. Начало

Попытки создать систему художественно-промышленного образования в России предпринимались еще с XVIII в. А.Ф.Гартвиг предтечей первых отечественных школ считает основание в 1802 г. Арзамасской Школы рисования мещанином А.В.Ступиным, который «по страстной своей охоте к живописному художеству», «оставя жену, детей и дом», в 1799 г. приехал в Санкт-Петербург, поступил в Академию, получив в 1802 г. звание художника. За устройство в Арзамасе рисовальной школы, его «яко перваго заводителя дела еще не обыкновеннаго, в крае, коему художества вовсе были неизвестны», Академия Художеств в 1809 г. удостоила звания академика, а школу его взяла «под свое покровительство». С 1842 г. она существовала благодаря финансовой поддержке императора Николая I. Школа принимала заказы на иконостасы, портреты, пейзажи, исторические картины [1, с. 47].

В 1824 г. полковник кавалерии граф С.Г.Строганов подал

правительству Александра I проект «Школы рисования в отношении к искусствам и ремеслам». Основная задача создаваемого учреждения, заключалась в том, чтобы «молодым людям от 10 до 16 лет, посвящающим себя разного рода ремеслам и мастерствам, доставить случай приобресть искусство рисования, без которого никакой ремесленник не в состоянии давать изделиям своим возможное совершенство». Занятия в классе планировались два дня в неделю по два часа, так как учитывалось, что ученики работают на фабриках и в мастерских, т. е. проводилось обучение без отрыва от производства. Весь курс обучения должен был занять 6 лет. Строганову пришлось учесть и требование правительства — ввести в образовательную программу черчение, так как применение машин на фабриках «произвело надобность в рисовке по части механики, которой до сих пор в России совсем не занимались» [1, с. 28-29]. Школа начала функционировать в 1825 г., став в XX в. старейшим высшим образовательным художественно-промышленным учреждением страны.

В 1832 г. в Санкт-Петербурге по инициативе приехавшего в 1810 г. в Россию немецкого ученого в области точной механики, астрономии и картографии Корнелия Христиановича Рейссига в Технологическом институте были открыты публичные классы рисования и черчения и разработана программа «графических занятий». В 1839 г. им была создана Рисовальная школа для вольноприходящих учеников [7, с. 503-504]. А в 1876 г. на средства банкира и промышленника барона Александра Людвиговича Штиглица основано Центральное училище технического рисования.

Личность С.Г.Строганова и идея создания «Школы рисования в отношении к искусствам и ремеслам»

Для нужд зарождающейся в XIX в. художественной промышленности в России были востребованы, прежде всего, художники-рисовальщики, художники-орнаменталисты. Орнамент рассматривался как одно из немногих средств, способных бытовой вещи придать «совершенство». А нехватка проектировщиков с навыками классического рисунка образовывало разрыв между

эстетическими качествами изделий отечественной промышленности и потребностями рынка, который традиционно восполнялся за счет импорта из Европы.

По утверждению А.Ф.Гартвига, граф, любуясь эстетическим качеством промышленных изделий мастерских в Париже, пришел к заключению, что такой результат стал возможен благодаря большому количеству рисовальных общедоступных школ. Для этого необходимы хорошо подготовленные рисовальщики, и начинать их профессиональное обучение необходимо с детства. А еще С.Г.Строганову, несомненно, были известны традиции своих предков по созданию художественных мастерских.

Не стоит рассматривать проект на тот момент полковника С.Г.Строганова только как реализацию абстрактной идеи народного Просвещения, но, скорее, как попытку применения Западноевропейского опыта на российской почве, как своего рода инвестиции в зарождающую отечественную художественную промышленность. Это объясняет и демократичный состав учеников школы, и небольшую плату за обучение, либо полное ее отсутствие и проживание некоторых способных учеников за счет основателя заведения и отсутствие телесных наказаний (традиционных в то время) по отношению к обучающимся. Соответственно, в качестве критерия приема в такую школу может выступать художественная одаренность, а не иные факторы. С.Г.Строганов приложил немалые усилия, чтобы получить разрешения открыть школу в 1825 г. на свои средства. А в 1843 г., после настойчивых попыток, передал ее на баланс государственной казны, что косвенно подтверждает скорее инвестиционный характер проекта, а не общественно-благотворительный.

Граф С.Г.Строганов в 1835 г. вступил в должность попечителя Московского учебного округа, уделив особое внимание Московскому университету, заслужив положительные оценки у современников своим либерализмом. Но, ветеран военных компаний генерал-лейтенант от кавалерии, при этом не был убежденным гуманистом, каким он может показаться в их отзывах и ряде поздних исследований.

Например, в 1846 г. граф проводил масштабный правовой эксперимент в своем Пермском имении, составив и применив на

практике «Правила о предупреждении и пресечении распутства». Как человек деятельный, С.Г.Строганов в борьбе за нравственность своих крестьян разработал не имеющий аналогов комплекс мер, касающийся как мужчин, так и женщин, некоторые из пунктов которого — запрет женщинам входить в «питейные дома для питья вина» и запрет «нищенствовать при мельницах молодым вдовам и солдаткам» — предусматривал применение к нарушителям в том числе и телесные наказания. Приезд графа в имение спровоцировал волну побегов крепостных крестьян обоего пола, уличенных «в распутстве» [8, с. 259-263].

Влияние рода Строгановых на развитие отечественной культуры

Строгановы возвысились во времена правления Ивана IV, представители этого рода служили в опричине. Первоначальной причиной появления интереса в XVI веке у купцов-промышленников Строгановых к различным видам искусства стала необходимость идеологически сопровождать свою предпринимательскую деятельность. Освоение новых земель вынуждало их увязывать со строительством православных церквей для удовлетворения духовно-религиозных чувств приходящего русского населения и христианизации местных народов, из которых пополнялся кабальный работный люд соляных промыслов. Новые церкви необходимо было снабдить специальными предметами для проведения богослужения. Это побудило вотчинников к созданию *собственных* мастерских [9, с. 18-19].

В вотчине Строгановых в Сольвычегодске получили развитие сразу нескольких видов прикладных искусств. Это иконописная мастерская, книгописная мастерская (скрипторий), мастерские по лицевому (т.е. «изобразительному») шитью, эмалевые мастерские, мастерские серебряных изделий из и т.д. Работа «чюланов люцких» [10, с. 19] была ориентирована, прежде всего, на нужды строящихся церквей. Некоторые из мастерских вылились в художественные направления, обладающие признаками школ (единство стилистики, преемственность в творчестве, теоретическое обоснование).

Из мастерских вышло несколько уникальных художественных памятников, которые являются, своего рода, первыми отечественными

методическими пособиями и содержат примеры изображений (образцы) для копирования. Например, иконописный подлинник начала XVII столетия [9, с. 21] представлял собой свод изображений икон, расположенных в календарном порядке. В 1604 г. увидел свет Строгановский книгописный подлинник. В научной литературе он известен и под другими названиями («Азбука и образцы заставок», «Каллиграфический подлинник», «Азбуковник»). Книга представляет собой иллюстрированный альбом, где каждая буква алфавита выписана на отдельной странице во всевозможных вариантах скорописи, полуустава. Даны образцы инициалов и заставок, изображавшихся на полях рукописей, и целых «древ» для заполнения пустых страниц, причудливой вязи для заголовков и монограмм Никиты Строганова. Преобладает «старопечатный» тип орнамента, но и встречаются своеобразные перевивающиеся и плетеные растительные орнаменты [9, с. 37–38].

Предпосылки создания Школы рисования в отношении к искусствам и ремеслам в Москве и ее специализация

В книге Е.Н.Шульгиной и И.А.Прониной в качестве социально-экономических предпосылок для появления Строгановской школы в Москве перечислены растущие эстетические требования общественности, повышение массового спроса на изделия художественной промышленности, усиление борьбы русских промышленников с иностранной конкуренцией [11, с. 25].

Дополнительными факторами могли стать служба и проживание самого основателя школы на тот момент в Москве. Строганов выбор места для открытия школы объясняет менее жесткой конкуренцией в художественной сфере по сравнению со столичным Санкт-Петербургом: «В Петербурге находится множество всякаго рода учебных заведений, превышающих потребности промышленности и потребителей, а также большое количество ремесленников иностранцев»[1, с. 106]. Важным фактором могло стать устранение последствий от пожара, вызванного Наполеоновским нашествием, что создало спрос на предметы быта и интерьера в заново строящемся городе.

Исследователь А.Ф.Гартвиг отметил, что, в противоположность

насыщенному административными учреждениями столичному Петербургу, Москва была крупным городом, в который съезжались на зиму многие богатые, незанятые на службе дворяне с центральных губерний. В начале в XIX в. в московском дворянском обществе текла однообразная жизнь, которую разбавляли званые обеды, балы, концерты и литературные вечера. Стремление украсить частные интерьеры предметами искусства и прикладными изделиями проникало через Москву в провинцию [1, с. 30-35].

Проект графа С.Г.Строганова получил утверждение правительства 19 августа 1825 г., и с 31 октября 1825 г. школа начала функционировать как первое среди подобных заведений в России. Изначально задуманное основателем как учебное заведение по подготовке художников-изобретателей для нужд отечественной промышленности, школа С.Г.Строганова вскоре отошла от своей первоначальной цели, сместив акцент на подготовку учителей рисования и чистописания. И эта тенденция сохранилась на многие годы. Такое, на наш взгляд, произошло по ряду причин.

1. Навыки рисования, черчения и чистописания, которые приобретали ученики школы, являлись самоценными сами по себе, и без прикладного применения. Они давали возможность выпускникам школы трудоустроится по востребованным специальностям в качестве педагогов. Социально-правовой статус в XIX в. учителя был выше, чем фабричного художника.

2. Тотальная культурная ориентация правящего класса Российской империи на Западноевропейскую моду создала условия, при которых для нужд отечественной промышленности выгоднее было закупать «оригиналы» изображений за границей, а не изобретать что-то свое, но в европейском стиле.

3. Особенности преподавания в первой половине XIX в., когда между получением художественных навыков и применением их на производственных площадках существовал разрыв, порожденный отсутствием либо малым количеством учебных производственных мастерских при учебном заведении. Проблема частично решалась за счет обучения в школе фабричных рабочих в дни, свободные от трудовой деятельности.

В книге Е.Н.Шульгиной и И.А.Прониной приводятся цифры распределения выпускников Строгановского училища, как иллюстрация, своего рода, кризисной ситуации, создавшейся в учебном заведении: «С 1862 г. по 1886 г. окончило курс 402 человека. Поступило рисовальщиками на фабрики — 82, состоят учителями рисования в учебных заведениях и на частных уроках — 320 человек» [11, с. 98]. Е.Е.Докучаева приводит данные по трудоустройству выпускников Строгановки с 1885 по 1890 г., когда только 15 человек из выпускников устроились работать на предприятия [12, с. 332]. Современники эпохи часто сетуют на то, что художественно-промышленные учебные заведения России не выполняют своего прямого предназначения. Но сложившееся положение необходимо рассматривать в контексте общественного сознания тех лет, уровня экономического развития и технического прогресса, с учетом фактора социально-правовых отношений.

Убийство 1 марта 1881 г. народовольцами Александра II повлекло ряд крупных политических процессов и ускорило закат популярности народнических идей в обществе. Но до этих событий народничество переживало подъем в течении нескольких лет и имело влияние на общественное сознание. Этика народников предполагает служение народу, а наиболее адекватно этим устремлениям соответствуют профессии учителя и врача, делая менее престижными профессию фабричного художника, обслуживающего «прихотливую страсть к совершенству» знати.

В результате реформ во второй половине XIX в. отмечается развитие промышленного производства, появление разветвленной сети железных дорог, создание на узлах транспортных коммуникаций (железнодорожных, речных и морских) новых населенных пунктов. Эти факторы, в совокупности, ускорили рост числа учебных заведений в провинции, как частных, так и государственных, всех уровней и для всех сословий, поэтому профессия учителя становится крайне востребованной. Понадобились годы, пока широкое распространение технических устройств печатной, копировальной техники и уровень развития отечественной промышленности превысили потребность общества в учителях чистописания.

Поначалу отличия в подготовке школы С.Г.Строганова от Рисовальной школы для вольноприходящих учеников К.Х.Рейссига были незначительными и воспроизводили методику обучения рисованию, применявшуюся с XVIII в. Основной метод обучения традиционно состоял в копировании «оригиналов». Обучение сводилось к постепенному переходу от простого к сложному, к приобретению навыков работы с материалами и инструментами. Копировали преимущественно иностранные образцы и получаемые из Санкт-Петербургской Академии художеств.

Несмотря на первоначальную внешнюю схожесть в методах обучения, идеи, лежащие в основании этих двух школ, имели различия, что и предопределило дальнейшую судьбу этих учреждений. Педагогической концепцией Рейссига, восходящей к идеям Просвещения и «веймарской классики» (широкое распространение образования, привитие художественного вкуса, привнесение эстетического начала в кустарное и ремесленное производство и т. д.) был классицизм [7, с. 504].

А.Ф.Гартвиг приводит мнение С.Г.Строганова о том, что изделия художественной промышленности нужно создавать «на собственной нашей земле при наших источниках»[1, с. 136]. В 1860 г. назначенный директором Строгановского училища В.И.Бутовский фактически развил идеи графа, более радикально сформулировав задачи, стоящие перед учреждением. Он поставил цель противостоять «чрезмерному стремлению наших промышленников к источникам нам чуждым и к копированию иностранных рисунков и форм... для указания нашим промышленникам источников самобытного художественного стиля», что было реализовано в дальнейшем [13].

Кризис отечественной художественной промышленности в контексте национальной системы образования

На протяжении XIX в. развитие отечественного художественно-промышленного образования сдерживал ряд негативных факторов.

Проблема идеологическая. Триада С.С.Уварова имела внутренние противоречия, которые были обусловлены попыткой искусственно соединить традиции Европейского просвещения и «теплую веру к

некоторым религиозным, моральным, и политическим понятиям, ей (России) исключительно принадлежащим». «Священные остатки», под которыми С.С.Уваров подразумевал любовь к православной вере, верность царю и отечеству, предстояло примирить с аналитическим подходом, критическим мышлением и логическим умозаключением, характерными для системы Европейского образования.

Увлекающийся античностью, воспитанный на идеалах Европейского просвещения и получивший соответствующие образование, С.С.Уваров осознавал противоречивость своей теории «народности» и публично задавался вопросами: «Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое Европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к Европейскому просвещению, к Европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью?» [5, с. 304]. Различное понимание и толкование триады общественно-политическими группами в дальнейшем породило широкий спектр мнений, в основном, в среде славянофилов, вызвав недоверие к ним власти. Пока четкого ответа на вопросы С.С.Уварова не может дать и современное Министерство образования и науки Российской Федерации в XXI в.

Проблема общественного признания и низкой квалификации художников в промышленности

Проблема заключалась в пренебрежительном отношении современников-художников к рисовальщикам, занятым в прикладной сфере. Осознавая актуальность развития художественной промышленности в России как отрасли в экономике государства, представители Академии художеств на протяжении столетия отрицали принадлежность прикладников к искусству, полагая, что художественная промышленность — это удел личностей с низкими профессиональными компетенциями и малым творческим потенциалом. Широко распространенное среди «настоящих» художников и разделяемое многими представителями образованного сословия подобное заблуждение, несомненно, тормозило развитие художественной промышленности в России.

Еще в 1753 г. Мануфактур-коллегия доносит Сенату, что на «шелковых фабриках в рисовальных и красильных мастерах немалая нужда, ибо имеющиеся рисовальщики сочиняют рисунки только с вывозных из-за моря образцов, а сами без образца рисунка сочинить не могут». Поэтому предлагалось послать в иностранные государства четырех человек «для изучения рисовального и красильного дела» на казенный счет. Однако Сенат не согласился посылать их за счет казны [11, с. 23].

В 1764 г. ректор Академии художеств А.Ф.Какоринов составил «репорт», вероятно, на имя президента Академии Художеств И.И.Бецкого (прим. Черных). В нем А.Ф.Какоринов, признавая актуальность прикладного искусства, предлагал для этих целей использовать учеников Академии, «которые по несклонности к художествам, имеют малые успехи». Сетуя на затраты, которые учреждение понесло от неэффективности этой категории учащихся, ректор предлагает их «определять … к резанию и пуссированью орнаментов, …золотарному, инструментальному и слесарному мастерствам, точению на дереве и других металлах» по том основании, что они за годы пребывания в стенах Академии, «несколько в рисовании научены» [1, с. 58].

Э.М.Глинтерник приводит документ-постановление академического совета Академии художеств в 1846 г.: «…Учреждением же школы орнаментики открылся бы для художника новый доход, не причиняя никакого вреда высшим интересам искусства. Великий… талант едва ли займётся орнаментикою, а художники посредственные найдут в ней средство для прокормления себя» [14, с. 18].

Проблема социально-правовых отношений

Жесткие сословные ограничения в России, растерявшие силу уже конце XIX в., в первой половине столетия функционировали исправно. Министр народного просвещения А.С.Шишков, а затем его приемник С.С.Уваров последовательно проводили линию на ограждение широких слоев населения от получения университетского образования, которое по их замыслу, было зарезервировано только для представителей дворянского сословия.

Граф С.Г.Строганов не посягал на политику Министерства народного просвещения, не оспаривал принцип элитарного доступа к университетскому образованию. Он, по сведениям А.Ф.Гартвига, всего лишь считал, что «рисование — это язык рабочего». В XIX в. рабочая специальность была тождественна социальному статусу. По мнению С.Г.Строганова, получившим художественно-технические знания рабочим предстояло обслуживать эстетические запросы отечественной знати, разрабатывая внешний вид художественно-бытовых вещей. Но для реализации своего замысла графу пришлось преодолевать настроения, господствующие среди части дворянского сословия и чиновников Министерства Народного Просвещения о сословных ограничениях при получении образования вообще.

Открытию Школы рисования в отношении к искусствам и ремеслам предшествовала полемика об актуальности образования для податного сословия, развернувшаяся на страницах журнала «Вестник Европы». С.Г.Строганов в статье «О необходимости образования для ремесленников» отстаивал право низших слоев общества, помимо получения навыков начального образования, изучать специальные предметы: геометрию, рисование, механику. Ему возражал директор учебного заведения, состоявшего в ведомстве Московского Университета, князь Цертелев. В статье «О народном воспитании» князь задавался вопросом: «Что такое крестьянин? Человек, обязанный возделывать землю и вообще заниматься самыми грубыми работами.… нужна ли для него грамота? Будет ли он иметь досуг читать? А если займется чтением, то…не останутся ли необработанными поля его? Не впадет ли он в заблуждение опаснейшее самого невежества?» [1, с. 41]

Очевидно, что не все выходцы из податного сословия (купеческих, ремесленных, крестьянских семей) адекватно отвечали ожиданиям генерал-адъютанта (с 6 декабря 1835 г.) С.Г.Строганова своим поведением и прилежанием в учебе. Изначально в уставе школы телесные наказания не были предусмотрены, но в дальнейшем они применялись. В 1844 г. после передачи школы в казну, назначенный на должность директора школы «из военных прусской службы» О.А.Дитрих широко использовал в учебном процессе антигуманный, но эффективный метод — розги [11, с. 42].

В 1843 г. при рассмотрении устава «Московского Художественного Общества» в Академии художеств возник вопрос — «допускать ли крепостных людей к обучению художествам?» Совет Академии, приняв во внимание, что «смешенее свободнаго и несвободнаго состояния учеников в Академии пораждало между ними разнаго рода буйства и безнравственность, и что, как показал опыт, из крепостных, учившихся художествам, почти ни один не остался порядочным человеком, а некоторые из них..., не получая от господ увольнения, предавались отчаянию, пьянству и даже посягали на собственную жизнь», единогласно пришел к мнению, что допускать крепостных к обучению не следовало, а принимать в московское училище выходцев из крепостного и податного сословия можно было только при условии, что помещики давали предварительно обязательства, что возведенные в звание художника получат увольнение из состояния, к которому принадлежали [1, с. 58].

Проблема национального и общечеловеческого в искусстве

По утверждению исследователя русского стиля Е.Н.Кириченко, подъем национального самосознания, в современном понимании, ассоциируется с повышенным интересом к национальной художественной традиции. Но в России XVIII — начала XIX в. происходило иначе. В господствующих представлениях, в официальной политике в сфере искусства национально неповторимое, государственное и всеобщее не только не тождественны друг другу, но, скорее, антиподы. В шкале ценностей, общечеловеческому, что для России петровской означало общеевропейское, а со второй половины XVIII века связывается с античностью, возрожденной Ренессансом, а в первой трети XIX в. — с наследием античной Греции, принадлежит господствующее место, поэтому национальная культурная традиция всегда рассматривалась как второстепенная по сравнению с имеющей абсолютное общечеловеческое значение античной [2, с. 21].

Императорская Академия художеств оказалась учреждением, которое последовательно и неуклонно проводило линию на европеизацию в сфере искусства, не отступая ни на шаг от заложенных в XVIII в. в ее основание традиций. Наместником императора на

Кавказе князем М.С.Воронцовым в 1849 г. был составлен проект об учреждении в Тифлисе Художественной Школы, которая могла бы способствовать не только изучению художественных красот местной природы, но и памятников Византийского искусства, еще никем не исследованных, а также «дать русскому искусству вид самостоятельности, а не подражания чужому». Рецензия из Академии художеств на эту инициативу генерала последовала однозначная: «национальное не есть цель искусства, а изящное»[1, с. 55].

Основавший в 1825 г. «Школу рисования в отношении к искусствам и ремеслам» граф **С.Г.**Строганов был, несомненно, человеком передовых взглядов. По сведениям А.Ф.Гартвига, он считал, что изделия художественной промышленности нужно создавать «на собственной нашей земле при наших источниках» и делать это необходимо в собственном стиле, так как «во всяком государстве промышленность носит на себе отпечаток народного характера». Графа беспокоило влияние иностранной моды на высшие слои российского общества: «Роскошь делает нас данниками французов, а прихотливая страсть к совершенству — англичан» [1].

Проблема идентификации

В самом термине «художественная промышленность» заложено некое противоречие. В ассоциативный ряд становятся: искусство, подразумевающее личностное отношение, нетривиальность и машинное производство, обезличивание, тираж. В отличие от уникальности, которая ценится в искусстве, художественная промышленность имеет прикладное значение. Архитектура тоже имеет междисциплинарную природу и требует от специалиста в своей области как художественных, так и технических компетенций, но именно в художественной промышленности разделительная грань (баланс) между необходимыми гуманитарными и техническими навыками наиболее подвижна в силу ее вариативности и многогранности.

Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что первые художественно-промышленные учебные заведения в России на протяжении своей истории неоднократно реорганизовывались,

меняли ведомственную «прописку», относясь и к Министерству торговли и промышленности, как школа Строганова [14, с. 22], и к Министерству финансов, а затем к Академии художеств, как школа Рейссига [7, с. 507-508], то входили в состав Государственных свободных художественных мастерских. Но, будучи образовательными учреждениями, их деятельность в той или иной степени курировались соответствующим ведомством. В XXI в., будучи причисленными к Министерству образования и науки РФ, профильные художественно-промышленные учебные заведения вкусили, в полной мере, плоды реформ отечественной системы образования, в отличие от «чистых» художественных вузов, учредителем которых является Министерство культуры РФ. Блуждание по ведомствам создавало и создает до сих пор для дизайн-школ неопределенность будущего, является причиной неэффективного их управления и методической лихорадки, игнорирования специфики их образовательной деятельности, тормозит развитие отечественной художественной промышленности как отрасли.

Основав на личные средства в Москве «Школу рисования в отношении к искусствам и ремеслам» и став основоположником художественно-промышленного образования в России в XIX в., полковник Сергей Григорьевич Строганов фактически продолжил семейные традиции своего рода, который еще с XVI века выступал в качестве покровителя различных видов искусств.

Осуществление планов С.Г.Строганова совпало по времени с изменением курса государственной политики в сфере образования и искусства. Это стало возможным после отхода государства от линии Петра I на тотальную европеизацию. Увенчаться успехом подобная инициатива могла лишь после осознания обществом того, что «во всяком государстве промышленность носит на себе отпечаток народного характера».

Иными словами, культурная зависимость российского высшего общества от стран Европы делала неактуальным существование отечественных учебных заведений, готовящих художников-прикладников. Но осознание того, что образцы промышленных изделий, получаемые из за границы, уже не могут в полной мере

удовлетворять эстетический спрос в отечестве, вызвало общественную потребность иметь собственные (национальные) художественно-промышленное учебные заведения. И С.Г.Строганов был одним из первых, кто это понял и осуществил на практике, заложив фундамент отечественного художественно-промышленного образования.

Библиография:

1. *Гартвиг А*. Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам учреждённая в 1825 г. графом С.Г.Строгановым ея возникновение и развитие до 1860 г.— М.: Издат. Пашкова, 1901. — С. 129.

2. *Кириченко Е.И*. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII — начала XX века. — М.: Издательство «Галарт»; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — 432 с.

3. *Минаков А.Ю*. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография / А.Ю.Минаков. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. — 560 с.

4. *Уваров С.С*. Циркулярное предложение г. управляющего министерством народного просвещения начальствам учебных округов, о вступлении в управление министерством // Журнал министерства народного просвещения. — 1834. — Ч. 1. — № 1. — С. XLIX–L (Отдел 2. «Министеские распоряжения»).

5. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М.Репьева, М.К.Ковтуненко, А.И.Волошин; под ред. А.А.Ширинянца. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 880 с.

6. *Личагина В.С.* Ключевые элементы идеологической системы «официальной народности» в русской педагогике второй трети XIX века // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2014. — № 3. — С. 115–118.

7. *Боровская Е.А*. Искусство рисования «в приложении оного к

ремеслам». Санкт-Петербургская рисовальная школа и развитие декоративно-прикладного искусства (1839–1917) // Искусствознание. Рубрика «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура». — М.: Государственный институт искусствознания, 2012. — № 3–4. — С. 502–520.

8. *Пушков В.П.* Борьба графа С.Гр.Строганова с «распутством» в Пермском нераздельном имении в середине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. — 2013. — № 3. — С. 259–263.

9. *Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В.* Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII веков.— Челябинск: Книга, 1993. — 347 с.: ил., нотн. прилож.

10. *Введенский А.А.* Торговый дом XVI–XVII вв. — Л., 1924. — С. 23–24, 32.

11. *Шульгина Е.Н., Пронина И.А.* История Строгановского училища. 1825–1918. — М.: ООО «ТИД «Русское слово-РС», 2002. — 336 с.: ил.

12. *Докучаева Е.Е.* Строгановская система образования и художественно-ремесленные учебные мастерские золотого и серебряного дела конца XIX — начала XX в. // Академик Императорской Академии художеств Н.В.Глоба и Строгановское училище / [отв. ред. Т.Л.Астраханцева] / НИИ теории и истории изобразит, искусств РАХ, МГХПА им. С.Г.Строганова. — М.: Индрик, 2012. — С. 331–338.

13. *Бутовский В.И.* О приложении эстетического образования к промышленности в Европе и в России в особенности. — СПб., 1870. — С. 42.

14. *Глинтерник Э.М.* Художественно-промышленное образование в России второй половины XIX века: взгляд современников // Учителя и ученики. Материалы международной научной конференции к 190-летию МГХПА им. С.Г.Строганова / Коллективная монография. Составители: А.Н.Лаврентьев, Н.Н.Ганцева, А.В.Сазиков. — М.: МГХПА им. С.Г.Строганова, 2016. — С. 16–23.